

РАЗРАБОТКА И ВАЛИДИЗАЦИЯ ИНДЕКСА ВОЦЕРКОВЛЕННОСТИ КАК ПРЕДИКТОРА УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ В РОССИИ

Григорьев Андрей Владимирович

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

Эл. почта: avgrigorev45@mail.ru

ORCID: 0009-0000-3271-2422

Для цитирования: Григорьев А. В. Разработка и валидизация индекса воцерковленности как предиктора участия в выборах в России // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026, т. 35, № 3(64). С. 292-313. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.7. EDN: DYIBUG.

Статья посвящена разработке и валидизации индекса воцерковленности как инструмента измерения институциональной религиозности, а также проверке его предсказательной силы применительно к электоральному участию в России. Исследование построено на данных 7-й волны Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey*, 2017–2022 гг., $N = 1701$). Методологически работа опирается на постсекулярную теоретическую рамку, рассматривающую возвращение религии в публичную сферу, и учитывает специфику государственно-церковных отношений в современной России. В качестве ключевой независимой переменной сконструирован индекс воцерковленности методом главных компонент (МГК) на основе частоты посещения богослужений, молитвенной практики и религиозной самоидентификации. Содержательная и конвергентная валидность индекса верифицированы через его сопоставление с обобщённым показателем религиозности. Для проверки

гипотезы применена множественная линейная регрессия с контролем социально-демографических факторов (доход, образование, возраст, пол), предварительно стандартизированных для сопоставимости коэффициентов. Результаты показали отсутствие статистически значимого влияния воцерковленности на электоральную активность ($p > 0,33$ во всех спецификациях; в полной модели $p = 0,40$). Наиболее значимыми предикторами участия оказались возраст ($\beta = 0,072$, $p < 0,001$) и уровень образования ($\beta = 0,041$, $p < 0,001$), тогда как доход и пол не проявили устойчивого влияния в полной модели. Полученные выводы указывают на институциональную автономию электорального поведения от религиозной идентичности в исследуемый период, внося важный нюанс в дискуссию о политической роли религии в постсекулярном обществе.

Ключевые слова: воцерковленность, электоральное поведение, политическое участие, религиозность, World Values Survey, Россия, постсекулярность, регрессионный анализ.

В условиях постсекулярного поворота, характеризующегося возвращением религии в публичную сферу [1], вопрос о её влиянии на политическое поведение граждан приобретает особую актуальность. В России, где православная традиция исторически переплетена с государственностью, а религиозные институты, прежде всего Русская православная церковь (РПЦ), играют заметную публичную роль, анализ связи между религиозностью и электоральной активностью представляет значительный научный и практический интерес. Классические работы, такие как исследования П. Бергера о сакрализации идентичности [2] или Ю. Хабермаса о постсекулярном обществе [3], задают рамку, в которой религия перестает быть сугубо частным делом, становясь ресурсом для конструирования публичных смыслов и коллективных действий. В российском контексте ряд авторов отмечают феномен государственно-церковного симбиоза и его потенциальное влияние на политические предпочтения [4; 5].

Однако эмпирические исследования дают неоднозначные результаты. Если одни работы указывают на корреляцию между религиозностью и поддержкой определенных политических сил или более высоким уровнем гражданской активности [6], другие не находят устойчивой связи [7]. Часть расхождений может объясняться различиями в операционализации ключевых понятий. В отличие от общей религиозности (*religiousness*), которая часто измеряется через декларируемую принадлежность или веру, концепт воцерковленности (*churchliness*) делает акцент на институциональном измерении – регулярности участия в религиозных практиках (богослужения, молитва) и идентификации с религиозной общиной [8; 9]. Такой подход позволяет более точно уловить степень интеграции индивида в религиозный институт и, потенциально, восприимчивость к его нормативным предписаниям, в том числе в сфере гражданского долга.

В данной статье ставится задача проверить гипотезу о влиянии уровня воцерковленности на вероятность участия российских граждан в национальных выборах. В качестве теоретической основы используется постсекулярная рамка, дополненная учётом специфики российских государственно-церковных отношений. Эмпирический анализ строится на репрезентативных данных WVS, что позволяет контролировать ключевые социально-демографические факторы и получить статистически надежные оценки.

Постсекулярность и возвращение религии в публичную сферу

Постсекулярность как концепт описывает ситуацию, в которой религия, вопреки прогнозам классической секуляризационной теории, не уходит из публичного пространства, а возвращается в него в новых формах [3]. Н. Луман рассматривал религию как функциональную подсистему общества, специализирующуюся

на коммуникации по поводу непредвиденного (*contingency*) [10]. В постсекулярном обществе эта подсистема вступает в конкуренцию и диалог со светскими институтами за производство смыслов [11]. П. Бергер указывал на процесс «сакрализации» социальной и политической идентичности, когда религиозные символы и нарративы используются для легитимации коллективных действий [2]. Таким образом, религиозная принадлежность и практики могут транслироваться в модели гражданского, в том числе электорального, поведения.

Религия и политическое участие: российский контекст

В России православие исторически было тесно связано с государством, и эта связь в трансформированном виде сохраняется в современный период [4]. Ряд исследователей отмечают, что РПЦ позиционирует себя как хранительница традиционных ценностей и национальной идентичности, что может влиять на политические ориентации верующих [5; 12]. Эмпирические исследования демонстрируют, что религиозный фактор может играть роль в региональных электоральных результатах [13] и формировании партийных предпочтений [6]. Однако характер этого влияния неоднозначен и опосредован множеством факторов, включая тип религиозности (внеконфессиональная против институциональной).

Воцерковленность как ключевая независимая переменная

В настоящем исследовании в фокусе находится именно институциональная религиозность, операционализированная через понятие воцерковленности. Следуя подходу В.В. Локосова и Ю.Ю. Синелиной [8], А.Ю. Кульковой [6], М.И. Богачёва [9],

воцерковленность понимается как комплексная характеристика, включающая:

1. Регулярность участия в религиозных обрядах (посещение богослужений).
2. Частоту частной религиозной практики (молитва).
3. Субъективную религиозную идентификацию (самооценка как религиозного человека).

Этот подход позволяет отказаться от расплывчатой категории «общей религиозности» в пользу более конкретного и поведенчески ориентированного конструкта, имеющего четкое институциональное измерение.

Методология исследования

Данные. Эмпирической базой исследования послужили данные 7-й волны Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey, WVS*) для России [15]. Сбор данных осуществлялся в рамках международного сравнительного проекта *World Values Survey Association* (некоммерческая организация, которая управляет проектом, объединяет социологов из более чем 120 стран и стремится обеспечить высокое качество методологии, а также улучшить стандарты в области кросс-национальных опросов) по стандартизированной методологии. В России полевой этап проведен с 11 по 29 декабря 2017 г. Метод сбора данных – личное формализованное интервью по месту жительства респондента. Выборка носит репрезентативный характер для взрослого населения страны (18 лет и старше) и построена по многоступенчатой стратифицированной схеме с отбором населенных пунктов, домохозяйств и респондентов на последних этапах. В качестве подрядчика полевых работ выступала российская исследовательская организация, участвующая в реализации международного проекта Всемирного исследования ценностей. Дизайн исследования и инструментарий полностью стандартизированы

и сопоставимы с другими странами, участвующими в 7-й волне Всемирного исследования ценностей, что обеспечивает возможность межстрановых сравнений. Подготовка данных включала следующие процедуры: (1) рекодирование системных кодов отказа от ответа и неприменимости (отрицательные значения и код «Мне не разрешено голосовать» по Q222) в пропущенные значения; (2) удаление наблюдений, у которых отсутствует хотя бы одна из переменных, включённых в регрессионные модели (списочное исключение наблюдений). Выборка не взвешивалась: переменная W_WEIGHT в волне WVS-7 для России отсутствует, дизайн-веса в открытом доступе не предоставлены, поэтому анализ проводился на невзвешенных данных, что является ограничением и должно учитываться при обобщении результатов. Итоговая аналитическая выборка составила N = 1701 респондента.

Переменные и их операционализация

Зависимая переменная – Участие в национальных выборах (бинарная). Сконструирована на основе вопроса Q222: «Как часто Вы участвуете в выборах на национальном уровне?». Ответы «Всегда» (1) и «Обычно» (2) были рекодированы в 1 (участвует), «Никогда» (3) – в 0 (не участвует). Ответ «Мне не разрешено голосовать» (4) и служебные коды отказа от ответа (–1, n = 33; –2, n = 9) были исключены как пропуски (итого 44 наблюдения, 2,4% исходных 1810). После этого оставалось 1766 наблюдений с валидным значением Q222, из которых участвуют в выборах 1456 (82,4%), не участвуют – 310 (17,6%). После дополнительного исключения 65 наблюдений с пропусками по контрольным переменным (listwise deletion) регрессионная выборка составила N = 1701. В ней 81,8% (n = 1391) указали на участие в выборах, 18,2% (n = 310) – на неучастие. Подобная несбалансированность результирующей переменной (соотношение примерно 4,5:1) является стандартной проблемой для данных

об электоральном участии в России и заслуживает отдельного обсуждения. С одной стороны, высокая доля декларируемого участия может отражать как реальную высокую явку, так и социально желательные ответы. С другой стороны, несбалансированность снижает статистическую мощность в отношении предикторов участия/неучастия и может приводить к консервативным оценкам значимости коэффициентов. В качестве проверки чувствительности была оценена логистическая регрессия с теми же предикторами: качественный характер результатов (отсутствие значимого эффекта воцерковленности) сохраняется. *Ключевая независимая переменная* – Индекс воцерковленности. Построен методом главных компонент (МГК) на основе трех переменных, предварительно унифицированных по направлению (большее значение = большая религиозность):

1. Q171_unified: «Как часто Вы посещаете религиозные службы?» (шкала 1–7, реверсирована).
2. Q172_unified: «Как часто Вы молитесь?» (шкала 1–8, реверсирована).
3. Q173: «Считаете ли Вы себя религиозным человеком?» (шкала 1–3: 1 = религиозный, 2 = нерелигиозный, 3 = атеист; оставлена как есть, поскольку направление шкалы противоположно Q171/Q172; МГК автоматически согласует направления через знак нагрузки).

Перед применением МГК все переменные были приведены к z-значениям. Пригодность данных для факторного анализа проверена с помощью критерия Кайзера–Мейера–Олкина: КМО = 0,63, что соответствует удовлетворительному (приемлемому) уровню. Результаты анализа главных компонент приведены в таблице 2. Первая главная компонента объяснила 69,1% дисперсии (собственное значение $\lambda = 2,073$) и была использована в качестве индекса; вторая компонента объясняла 22,1%, третья – 8,8%, что подтверждает одномерность конструкта. Нагрузки на первую компоненту составили (по модулю):

Q171_unified – 0,614, Q172_unified – 0,619, Q173_unified – 0,489. Знак нагрузок определяется ориентацией оси МГК: в полученном решении первая компонента ориентирована таким образом, что её высокие значения соответствуют высокой воцерковленности. Все нагрузки значимые и однонаправленные, что свидетельствует о том, что компонента улавливает единый латентный фактор институциональной религиозности. Надежность шкалы, измеренная альфа-Кронбаха, составила 0,702 (стандартизированная альфа – 0,771), что свидетельствует о хорошей внутренней согласованности. Корреляции между компонентами варьировались от 0,415 до 0,735 и приведены на рисунке 1.

Корреляции между компонентами индекса воцерковленности

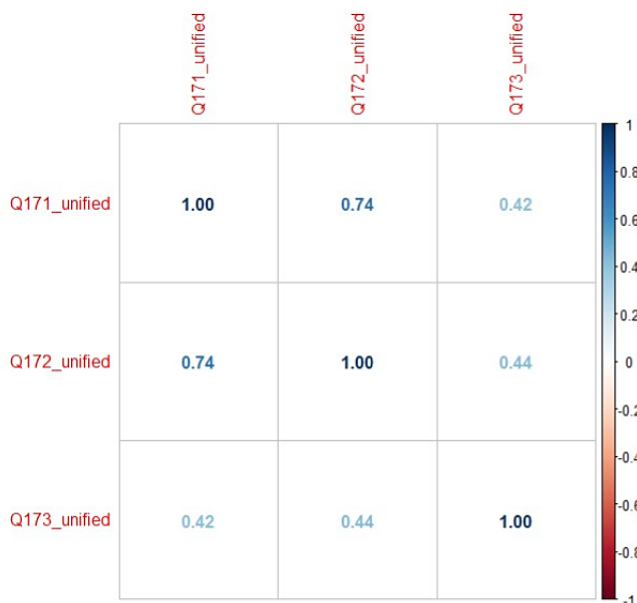

Рис. 1. Корреляции между компонентами индекса воцерковленности

Валидизация индекса воцерковленности

Наряду с оценкой надёжности индекса важно оценить его валидность – то, действительно ли он измеряет воцерковленность как институциональную религиозность. Для оценки конвергентной валидности индекс воцерковленности был сопоставлен с обобщённым показателем религиозности (Q164: «Считаете ли Вы себя религиозным человеком?»). Полученная корреляция Пирсона между индексом и Q164 свидетельствует о наличии конвергентной валидности: индекс воцерковленности закономерно связан с более широким пониманием религиозности, но не тождествен ему. Это соответствует теоретическому замыслу: воцерковленность как институциональное измерение является более специфичным конструктом, чем общая религиозная самоидентификация. Для оценки дискриминантной валидности индекс был сопоставлен с переменными, не связанными напрямую с религиозностью: уровнем дохода ($r = -0,047$) и уровнем образования ($r = 0,003$). Низкие корреляции с социальными ресурсами подтверждают, что индекс измеряет именно религиозную вовлечённость, а не общий социальный статус. Таким образом, совокупность данных о конвергентной и дискриминантной валидности подтверждает правомерность применения индекса в качестве меры воцерковленности. Отсутствие значимого влияния индекса на электоральное участие поэтому не может быть сведено просто к недостаткам индекса.

Контрольные переменные (все приведены к z-значениям для сопоставимости коэффициентов):

1. Доход (Q288): Самооценка места домохозяйства на лестнице доходов (шкала 1–10).
2. Образование (Q275): Уровень образования по классификации ISCED 2011 (шкала 0–8).
3. Возраст (Q262/X003): Возраст в годах (непрерывная).
4. Пол (Q260/X001): Бинарная переменная (0 – мужчина, 1 – женщина).

Метод анализа

Для проверки гипотезы была применена множественная линейная регрессия (метод наименьших квадратов). Были оценены три последовательные модели:

- Модель 1: включает только индекс воцерковленности.
- Модель 2: добавляет контроль доходов и образования.
- Модель 3 (полная): добавляет контроль возраста и пола.

Интерпретация стандартизированных коэффициентов (β): изменение зависимой переменной в единицах стандартного отклонения при изменении независимой переменной на одно стандартное отклонение. Для проверки на мультиколлинеарность рассчитаны коэффициенты инфляции дисперсии (КИД), все значения $<1,18$, что указывает на её отсутствие.

Результаты и обсуждение

Полученные результаты регрессионного анализа позволяют оценить силу и направление влияния воцерковленности на вероятность участия в выборах, а также роль контрольных переменных. Визуальное представление основных взаимосвязей, выявленных полной моделью (Модель 3), иллюстрирует рисунок 2.

Для детального количественного анализа представлены стандартизованные коэффициенты и их статистическая значимость по трем последовательным моделям регрессии (таблица 1).

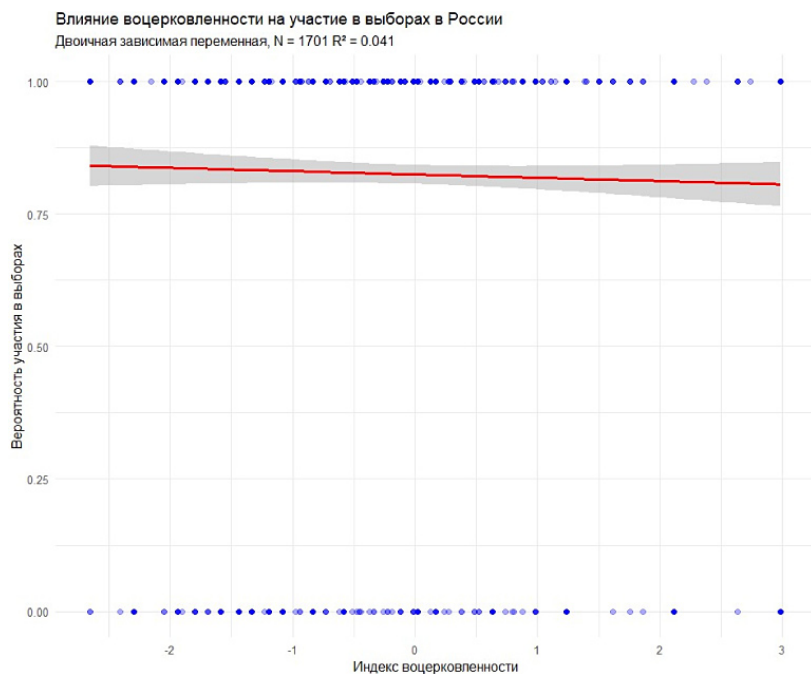

**Рис. 2. Влияние воцерковленности на участие в выборах в России
($N = 1701$, $R^2 = 0.041$)**

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ
ВОЦЕРКОВЛЕННОСТИ И КОНТРОЛЬНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ
НА УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ (СТАНДАРТИЗОВАННЫЕ
КОЭФФИЦИЕНТЫ)

Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Индекс воцерковленности	-0.006 (0.006)	-0.007 (0.006)	-0.005 (0.006)
Доход (ст.)		-0.027*** (0.010)	-0.010 (0.010)
Образование (ст.)		0.030*** (0.010)	0.041*** (0.010)
Возраст (ст.)			0.072*** (0.010)
Пол (женщина = 1)			-0.014 (0.019)
Константа	0.825*** (0.009)	0.825*** (0.009)	0.832*** (0.014)
Наблюдения	1701	1701	1701
R ²	0.001	0.008	0.041
Скорректированный R ²	-0.00004	0.007	0.038

*Примечание: В скобках указаны стандартные ошибки: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.*

Для проверки основных допущений линейной регрессии (линейность, гомоскедастичность остатков, нормальность их распределения) были построены диагностические графики для полной модели (Модель 3), представленные на рисунке 3.

1. График остатков от предсказанных значений по сравнению с подобранными: не выявляет систематических паттернов (например, U-образной кривой), что свидетельствует в пользу

соблюдения предположения о линейности связи. Распределение остатков выглядит случайным вокруг горизонтальной линии нуля.

2. График «масштаб-расположение» (Scale-Location): отсутствует явная тенденция к росту или убыванию разброса остатков по мере увеличения предсказанных значений. Это указывает на выполнение условия гомоскедастичности (постоянства дисперсии остатков).

3. Квантиль-квантильный график остатков (Q-Q Residuals): точки в целом ложатся вдоль прямой линии, что говорит о приблизительном соответствии распределения остатков нормальному. Небольшие отклонения на концах распределения являются типичными для эмпирических данных и не критичны для устойчивости оценок регрессии при большом объеме выборки.

4. График расстояния Кука (Cook's distance): ни одно наблюдение не превышает порогового значения, обычно равного 1 (или $4/n$). Это означает, что в данных отсутствуют сильно влияющие наблюдения (выбросы), которые могли бы существенно исказить оценки коэффициентов модели.

Таким образом, диагностика модели не выявляет грубых нарушений ключевых статистических допущений, что позволяет считать полученные оценки регрессии (Таблица 1) статистически корректными и пригодными для интерпретации.

Влияние воцерковленности

Основной результат исследования состоит в том, что индекс воцерковленности не оказывает статистически значимого влияния на участие в выборах ни в одной из спецификаций моделей (Модель 1: $p = 0,334$; Модель 3: $p = 0,398$), что показано на рисунке 4. Коэффициент при индексе стабильно близок к нулю и отрицателен, но его величина ($\beta \approx -0,005$) означает, что даже увеличение воцерковленности на одно стандартное отклонение

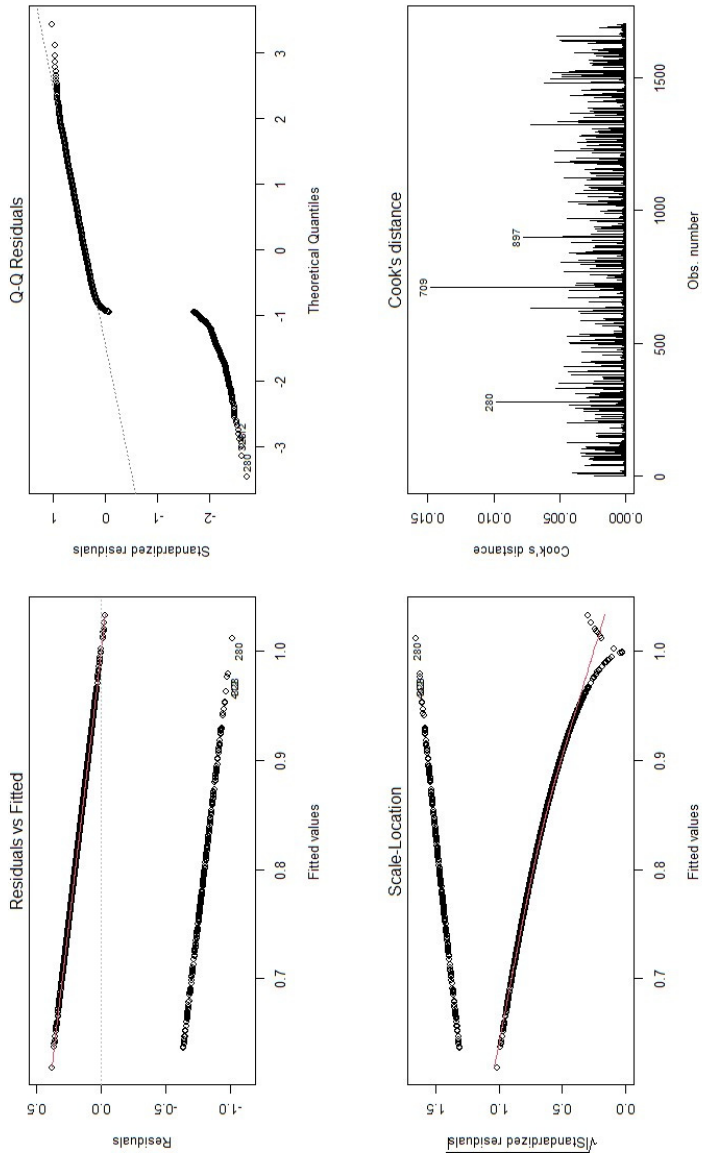

Рис. 3. Диагностические графики полной регрессионной модели (Модель 3)

изменяет вероятность участия менее чем на 0,5%, что является пренебрежимо малым эффектом. Гипотеза о значимом влиянии воцерковленности на электоральную активность не подтверждается. Этот результат позволяет предположить, что в России в исследуемый период институциональная религиозность и электоральное поведение являются относительно автономными сферами. Религиозная идентичность, выраженная через практики и самоидентификацию, не транслируется напрямую в выполнение гражданской обязанности по участию в голосовании, что может свидетельствовать о сложности и опосредованности связи между религиозным и политическим полем.

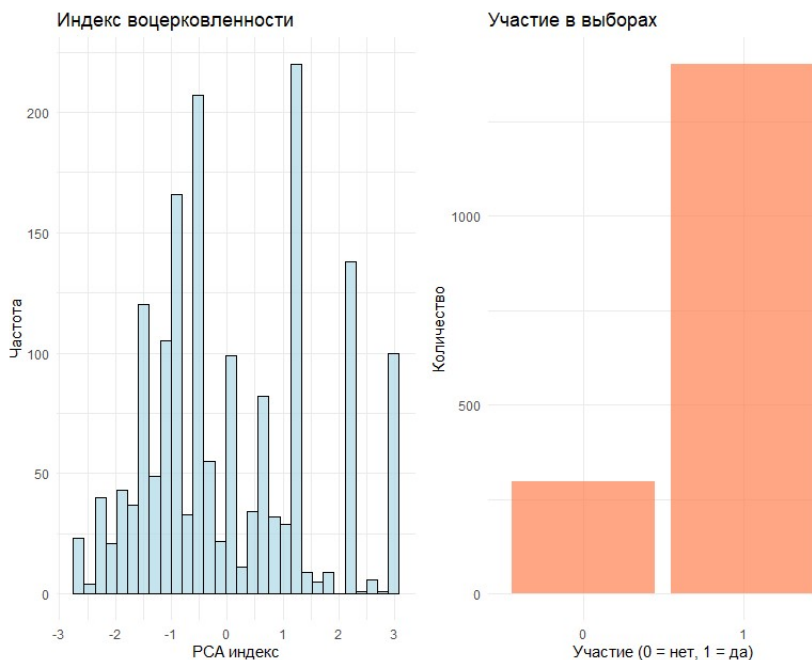

Рис. 4. Распределение индекса воцерковленности и бинарной переменной участия в выборах

Влияние контрольных переменных

Анализ выявил значимое влияние социально-демографических факторов:

1. Возраст оказался наиболее мощным предиктором ($\beta = 0,072$, $p < 0,001$). Увеличение возраста на одно стандартное отклонение (около 17 лет) связано с ростом вероятности участия в выборах на 7,2%. Это соответствует теории жизненного цикла политического участия, согласно которой с возрастом растут социальная укорененность, чувство гражданской ответственности и привычка к участию в институциональных политических процессах.

2. Образование также демонстрирует устойчивое положительное влияние ($\beta = 0,041$, $p < 0,001$). Это подтверждает теорию человеческого капитала: более образованные граждане обладают большими когнитивными ресурсами, информацией и доверием к институтам, что облегчает их политическую мобилизацию.

3. Доход теряет статистическую значимость в полной модели (Модель 3), когда контролируется возраст. Первоначальный отрицательный знак коэффициента в Модели 2 ($\beta = -0,027$) и последующее его «затухание» указывает на опосредующую роль возраста. Отрицательная корреляция между возрастом и доходом в выборке ($-0,278$) позволяет предположить, что более молодые и, возможно, более критические к власти когорты могут иметь относительно более высокие доходы, но менее склонны к участию в выборах.

4. Пол не оказывает значимого влияния ($\beta = -0,014$, $p = 0,462$), что указывает на отсутствие гендерного разрыва в электоральном участии в современной России.

Объясняющая способность модели

Коэффициент детерминации R^2 полной модели составляет 0,041, то есть включенные переменные объясняют около 4,1% дисперсии участия в выборах. Это значение, типичное для моде-

лей электорального поведения на индивидуальном уровне, указывает на то, что значительная часть вариативности обусловлена ненаблюдаемыми факторами: политическими установками, доверием к конкретным институтам, региональным контекстом, эффективностью мобилизационных кампаний и т.д.

Заключение

Проведенное исследование не выявило статистически значимой связи между уровнем воцерковленности и участием российских граждан в национальных выборах по данным WVS 2017–2022 гг. Это позволяет сделать вывод об институциональной автономии электорального поведения от религиозной идентичности, выраженной через практики и самооценку, в исследуемый период. Полученный результат вносит важный нюанс в дискуссию о влиянии религии на политику в постсекулярную эпоху. Он свидетельствует о том, что даже в условиях заметной публичной роли религиозных институтов, их прямое влияние на базовую форму политического участия – голосование – может быть минимальным.

Основными детерминантами электоральной активности в России оказались возраст и уровень образования, что согласуется с общемировыми трендами. Эффект дохода опосредован возрастной структурой, а гендерные различия отсутствуют.

Ограничения исследования связаны с кросс-секционным дизайном, не позволяющим устанавливать причинно-следственные связи, а также относительно низкой долей объясненной дисперсии, что указывает на важность учета дополнительных факторов (политические установки, региональный контекст, медийное потребление) в будущих исследованиях. Перспективным направлением может быть сравнение эффекта воцерковленности в России с другими странами православной традиции или с государствами, где роль религии в публичной сфере иная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич М.М., Капалин А.М. Религия как социальный институт // Вестник Челябинского государственного университета. 2008, № 32. С. 8-15. EDN: MVDNHN.
2. Бергер П. Священная завеса: элементы социологической теории религии / Пер. с англ. Р. Сафронова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 208 с. ISBN 978-5-4448-0951-8.
3. Богачёв М.И. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ // Религиоведческие исследования. 2016, №1(13). С. 8-76. EDN: WITMWL.
4. Богачёв М.И. Партийные предпочтения религиозных групп, или почему российские католики голосовали за «Яблоко» и ЛДПР в 2011 г. // Коммуникология. 2016, т. 4, № 5. С. 130–139. EDN: WXGMFL.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкин. М.: Новое издательство, 2011. 464 с. ISBN 978-5-98379-144-2.
6. Кулькова А.Ю. Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 48 с.
7. Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013, № 10(354). С. 104-115. EDN: RDRNXB.
8. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.
9. Ситников А.В. Православие, институты власти и гражданского общества в России. СПб.: Алетейя, 2012. 248 с.
10. Левашова А.И., Шорохова В.А. К вопросу исследования социально-психологических аспектов религиозности // Социальная психология: вопросы теории и практики: Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 11–12 мая 2023 года. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. С. 476-479. EDN: ENAZUU.
11. Taylor C. A Secular Age. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 887 p. DOI: 10.1007/978-3-658-15250-5_66.
12. Ухватова М.В. Религия и электоральное поведение в России: региональный аспект // Вестник Пермского университета. Политология. 2017, № 4. С. 26-48. EDN UTALZF.

13. *Habermas J.* Notes on a Post-Secular Society // *New Perspectives Quarterly*. 2008, vol. 25, № 4. P. 17–29. DOI: 10.1111/j.1540-5842.2008.01017.x.

14. *Lamprianou I.* Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment. Democracy in Transition / ed. by K. Demetriou. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. P. 21–42. DOI: 10.1007/978-3-642-30068-4_2.

15. *Marchand A.D., Frisby M.B., Kraemer M.R., Mathews C.J., Diemer M.A., Voight A.M.* Sociopolitical Participation among Marginalized Youth: Do Political Identification and Ideology Matter? // *Journal of Youth Development*. 2021, vol. 16, № 5. P. 41–63. DOI: 10.5195/jyd.2021.1089.

16. World Values Survey Wave 7 (2017-2022) // World Values Survey Association [сайт]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 10.11.2025).

Сведения об авторе

Григорьев Андрей Владимирович

Аспирант Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025 г.

Статья принята к публикации: 23.09.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.7

**DEVELOPMENT AND VALIDATION OF THE INDEX OF
CHURCH MEMBERSHIP AS A PREDICTOR OF ELECTION
PARTICIPATION IN RUSSIA**

Grigorev Andrey V.

HSE University, Moscow, Russia

avgrigorev45@mail.ru

ORCID: 0009-0000-3271-2422

For citation: Grigorev A.V. Development and Validation of the Index of Church Membership as a Predictor of Election Participation in Russia. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 3(64), p. 292-313. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.7.

Abstract. The article presents an empirical analysis of the influence of religiosity, measured through a churchliness index, on participation in national elections in Russia. The study is based on data from the 7th wave of the World Values Survey (2017–2022, N = 1701). Methodologically, the work relies on a post-secular theoretical framework that considers the return of religion to the public sphere and considers the specifics of state-church relations in modern Russia. A churchliness index was constructed as the key independent variable using principal component analysis (PCA) based on the frequency of attending religious services, prayer practice, and religious self-identification. Multiple linear regression with control for socio-demographic factors (income, education, age, gender), previously standardized for coefficient comparability, was applied to test the hypothesis. The results showed no statistically significant influence of churchliness on electoral activity ($p > 0.33$). The most significant predictors of participation were age ($\beta = 0.072$, $p < 0.001$) and education level ($\beta = 0.041$, $p < 0.001$), while income and gender showed no stable effect in the full model. The findings indicate the institutional autonomy of electoral behavior from religious identity in the studied period, adding an important nuance to the discussion of the political role of religion in a post-secular society.

Keywords: churchliness, electoral behavior, political participation, religiosity, World Values Survey, Russia, post-secularity, regression analysis.

References

1. Akulich, M.M., Kapalin, A.M. (2008). *Religiya kak sotsial'nyy institut* [Religion as a social institution] (in Russian), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no.32, p. 8–15.
2. Berger P.L. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion* (transl., in Russian). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 208 p. ISBN 978-5-4448-0951-8.
3. Bogachev M.I. The Church Attendance and Political Preferences of Orthodox Believers: Quantitative Analysis (in Russian), *Religiovedcheskiye issledovaniya*, 2016, no. 1(13), p. 8–76.
4. Bogachev M.I. Party Preferences of Religious Groups, or Why The Russian Catholics Voted For “Yabloko” and LDPR in 2011 (in Russian), *Kommunikologiya*, 2016, vol. 4, no. 5, p. 130–139.
5. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* (transl., in Russian). Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2011. 464 p. ISBN 978-5-98379-144-2.
6. Kulkova, A. Yu. *Religioznost' i politicheskoe uchastie: rol' politiki v rossiyskikh religioznykh obshchinakh* [Religiosity and political participation: The role of politics in Russian religious communities] (in Russian). Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015. 48 p.
7. Sinelina Yu.Yu. Dynamics of Russians' Religiousness and Issues of Its Research Methodology. Religious Thinking and Behavior of Russian Orthodox' and Muslims (in Russian), *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 2013, no. 10(354), p. 104–115.
8. Luhmann, N. *Society as a Social System* (transl., in Russian). Moscow: Logos, 2004. 232 p.
9. Sitnikov A.V. *Pravoslaviye, instituty vlasti i grazhdanskogo obshchestva v Rossii* [Orthodoxy, institutions of power and civil society in Russia]. Saint Petersburg: Aleteyya, 2012. 248 p.
10. Levashova A.I., Shorokhova V.A. “K voprosu issledovaniya sotsial'no-psikhologicheskikh aspektov religioznosti [On the issue of studying socio-psychological aspects of religiosity]” (in Russian), in: *Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati M.Yu. Kondrat'yeva* [Social Psychology: Issues of Theory and Practice: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference in Memory of

- M.Yu. Kondratyev, Moscow, May 11–12, 2023]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy psikhologo-pedagogicheskiy universitet, 2023, p. 476-479.
11. Taylor C. *A Secular Age*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 887 p. DOI: 10.1007/978-3-658-15250-5_66.
 12. Ukhvatova M.V. Religiya i elektoral'noye povedeniye v Rossii: regional'nyy aspekt [Religion and electoral behavior in Russia: A regional aspect] (in Russian), *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2017, no. 4, p. 26–48.
 13. Habermas J. (2008). Notes on a Post-Secular Society, *New Perspectives Quarterly*, 2008, vol. 25, no. 4, p. 17–29. DOI: 10.1111/j.1540-5842.2008.01017.x.
 14. Lamprianou I. “Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment”, in: *Democracy in Transition*, ed. by K. Demetriou. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012, p. 21-42. DOI: 10.1007/978-3-642-30068-4_2.
 15. Marchand A.D., Frisby M.B., Kraemer M.R., Mathews C.J., Diemer M.A., Voight A.M. Sociopolitical participation among marginalized youth: Do political identification and ideology matter? *Journal of Youth Development*, 2021, vol. 16, no. 5, p. 41–63. DOI: 10.5195/jyd.2021.1089.
 16. World Values Survey Wave 7 (2017-2022), *World Values Survey Association* [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (date of access: 10.11.2025)

Information about the author

Andrey V. Grigorev

Postgraduate student, HSE University